

— Забрать его?! — изумлённо переспросил Ураумэ. Он невольно повысил голос, не веря собственным ушам.

Разве господин не говорил, что этот человек опасен? И теперь Сукуна не собирался ни убивать его, ни мешать шаманам. Он приказал привести его.

Привести... Но зачем?

Ураумэ терялся в догадках. Однако господин Сукуна явно не собирался ничего объяснять, поэтому расспросы пришлось прекратить. Любопытство к внезапно объявившемуся проклятию особого ранга лишь разгорелось сильнее.

На горе Кумакума Харе приподнял подол куртки, устроив там импровизированный мешок для диких плодов. Одно спелое, румяное яблоко он держал в руке. Обтерев его о плечо, мальчик уже открыл было рот, чтобы откусить, как вдруг замер. До слуха донёсся едва различимый шорох.

Оглядевшись по сторонам, Харе устало вздохнул:

— Слушайте...

— Вы что, весенние побеги бамбука? Чего вас так много лезет и лезет...

В последние дни, куда бы он ни пошёл, отовсюду лезли шаманы, жаждущие его смерти.

Эти странные типы нападали без лишних слов, осыпая его градом техник. Мало того что мешали спать, так ещё и пообедать спокойно не давали, словно он был каким-то кровожадным чудовищем.

Если уж им так хотелось истреблять абсолютное зло, почему бы не отправиться на поиски Сукуны? Зачем тащиться в такую глушь ради него? Харе всего лишь хотел побыть в тишине и покое.

В конце концов, если его постоянно изводить, он ведь тоже может выйти из себя.

Вот как сейчас. Прогуливаясь по лесу, Харе почуял сладкий аромат лесных плодов, и у него разыгрался аппетит. Пробираясь в кромешной тьме, он несколько раз врезался в стволы, пока наконец не наткнулся на дикую яблоню и не набрал плодов.

И не успел сделать даже укуса, как нагрянули эти гости.

По очертаниям проклятой энергии Харе определил, что их было восьмеро. И эти ощущались куда сильнее предыдущих.

В ответ на его ворчание один из преследователей огрызнулся:

— Вообще-то сейчас зима! Какие тебе весенние побеги? Зимние!

Харе промолчал.

«И это всё, что тебя волнует, придурок?»

Разговаривать больше не хотелось, да и тратить время на пустую болтовню было лень. Харе с бесстрастным лицом спрятал яблоко за пазуху и перевернул ладонь тыльной стороной вверх. Кожа на руке зашевелилась, превращаясь в сочащуюся чёрную жижу, которая крупными каплями принялась падать на землю.

Каждая такая капля, коснувшись земли, мгновенно принимала форму проклятого духа. Выпустив их, юноша слегка приподнял голову и холодно скомандовал:

— Уничтожить всех.

Прекрасно понимая, что его здесь в покое не оставят, Харе времени даром не терял. Он обошёл всю гору, отлавливая и поглощая всех проклятых духов без разбору. Теперь эта разношёрстная свора служила ему отличным щитом. И, надо признать, чертовски послушным.

Призванные духи с рёвом ринулись в бой, преграждая путь шаманам. Харе же неторопливо отступил в сторону. Засунув руку в карман, он выудил другое яблоко и с хрустом вонзил в него зубы.

Плод оказался сочным, но невыносимо кислым и вяжущим.

Юноша, который обычно не привередничал в еде, сморщился. Мякоть буквально связала рот. С трудом проглотив кусок, он выдавил:

— Тьфу... Какая гадость.

— Хм, а ты, я гляжу, совсем не напрягаешься. Позволь мне развлечь тебя! — раздался за спиной вкрадчивый женский голос. Враг подобрался почти вплотную.

Харе среагировал мгновенно, резко отшатнувшись назад, но удар всё же зацепил плечо. Раненая рука безвольно повисла, а припасённые яблоки посыпались на землю.

Он опустил взгляд туда, где во тьме раскатились плоды. Позади послышался кокетливый смешок, и та же женщина лениво протянула:

— Ой, прошу прощения, испортила твои игрушки. Впрочем, не переживай — отведать их тебе всё равно уже не придётся.

Ухо обдал резкий порыв ветра. При мысли о том, что теперь придётся ползать на коленях во тьме и собирать грязные яблоки, Харе уколола злость. Он так долго пробирался к этому дереву! Кислые они или нет — неважно, выбрасывать еду грешно.

— Как грубо... — негромко, но леденяще произнёс он.

Кровь на раненой руке мгновенно остановилась. Поглощённые ранее проклятые духи обеспечили его колоссальным запасом энергии, так что подобные царапины затягивались вмиг.

Харе поднял ладони на уровень груди, развернув их друг к другу, но направив пальцы в разные стороны. Воздух вокруг него внезапно задрожал от хлынувшей волны проклятой энергии. Тяжёлое, почти осязаемое давление накрыло поляну. Все участники схватки разом замерли и повернули головы в его сторону.

Мальчик, на которого теперь были устремлены все взоры, стоял неподвижно. Бесстрастный, безупречный, он походил на изящную фарфоровую куклу.

— В прежнем мире мне так и не довелось её испробовать, — беспристрастно проговорил он. — Но здесь это уже не имеет значения.

Эта сила, наряду с Манипуляцией проклятыми духами, досталась ему от родителей. Она немного отличалась от техники папы Годжо, но обладала не менее разрушительной мощью.

Женщина, только что ранившая его, уловила перемену в ауре подростка. В её голове бешено взывала мысленная сирена. Инстинкт самосохранения сработал быстрее разума. Побледнев, она резко обернулась к своим соратникам и закричала:

— Назад! Спасайтесь!

— Максимальное приближение: Синий... — негромкий голос Харе прозвучал одновременно с её криком.

Тёмно-синяя проклятая энергия хлынула от его тела ровными кругами. Шаманы, сорвавшиеся с места в попытке сбежать, мгновенно завязли. Движения их сделались тягучими, словно ноги по колено ушли в болотную топь.

— Обратная проклятая техника: Отражение.

Оттенок бушующей энергии резко сменился на багрово-красный, наложившись поверх синего свечения. Шаманы почувствовали, как их тела внезапно теряют вес, и невидимая сила оторвала их от земли, увлекая в воздух.

Вслед за ними ввысь устремилось всё, что находилось в радиусе действия техники: испуганные лесные звери, птицы, раскатившиеся по земле яблоки. Даже вековые деревья натужно затрещали, готовые вот-вот вырваться с корнем.

Лишь сам Харе неподвижно стоял в эпицентре бури. Ветер трепал его белые волосы, отливающие мягким градиентом. Перед его лицом порхал бабочкоподобный проклятый дух. Трепеща крыльями, он осыпал бледные щёки юноши мерцающей синей пылью и цеплялся тонкими лапками за его белоснежные ресницы, боясь сорваться.

Шаманы в панике пытались сообразить, что происходит. Их предводительница, сумев извернуться в воздухе, из последних сил крикнула:

— Быстрее! Укрепите тела проклятой энергией! Иначе мы...

Договорить она не успела.

Юноша, стоявший среди замершего леса, резко свёл ладони вместе.

— Совмещение: Разрушение!

Громовой взрыв разорвал тишину. Гора содрогнулась до самого основания. Всё живое и неживое в радиусе поражения было стерто в порошок. На месте векового леса, точно после падения метеорита, остался лишь колоссальный дымящийся кратер.

— Господин Сукуна, здесь всё совсем не так, как поговаривали, — удивлённо заметил Ураумэ.

Барьер, некогда окутывавший гору, бесследно исчез. В лесу царила мёртвая тишина, будто всё живое здесь разом вымерло. У подножия не было видно ни одного шамана.

Сукуна устремил взор вдаль. Уловив донёсшийся веянием ветра густой запах свежей крови, он внезапно ускорил шаг.

Миновав поваленные ряды вековых криптомерий, они вышли к колоссальному выжженному

кратеру. На дне этой чудовищной воронки громоздилось месиво из земли, обломков скал, расщеплённых стволов и изувеченных тел — человеческих, звериных и проклятых. А на самой вершине этого хаоса сидел тот самый мальчик из его внезапно пробудившихся воспоминаний.

Внешне он немного изменился: волосы почти полностью побелели, сам он осунулся, а подбородок стал острее. Но аура его проклятой энергии осталась прежней — густой, сладкой и манящей.

Мальчик сидел на корточках, раскапывая руками завалы, словно искал что-то. Покрытая грязью и чужой кровью одежда делала его похожим на ободранного уличного котёнка.

Пальцы Харе наткнулись на раздавленный бок дикого яблока, лежавшего вплотную к оторванной лапе какого-то проклятого духа. Поколебавшись мгновение, он всё же поднял фрукт и сунул в рот.

Этот плод, вопреки ожиданиям, не горчил. Напротив, он оказался удивительно сладким и ароматным.

Недавнее применение сложной техники отняло кучу сил. В отличие от приёмного отца, Харе не умел сводить затраты проклятой энергии к абсолютному нулю, так что после каждой серьёзной стычки его накрывала дикая усталость.

Вкусом проклятых духов он уже пресытился до тошноты. Шаманы в ближайшее время вряд ли сунутся сюда снова, так почему бы не побаловать себя чем-то съедобным?

Размышляя об этом, он продолжил шарить руками по грязи. Вдруг лопатки обожгло чужим, тяжёлым взглядом. Харе замер.

«Неужели кто-то выжил?»

Он медленно обернулся. В этот момент прямо перед ним с крутого склона кратера мягко приземлился долговязый силуэт. Это был Сукуна.

Перед ним высился Король проклятий собственной персоной.

Задрав голову, Харе с недоумением оглядел нежданного гостя. Что он забыл в этой глуши? Разве ему не положено сейчас находиться в Хэйан-кё?

В эту эпоху Сукуна ещё не должен его знать. Неужели весть о сильном проклятии дошла до столицы, и его наняли, чтобы избавиться от помехи?

«Что ж, даже к лучшему. Мои запасы духов как раз истощились. Поймать Сукуну и поглотить

его было бы отличным решением...»

Пока Харе прикидывал шансы и прицеливался к новому «блюду», Сукуна вдруг присел перед ним на корточки. Не успел юноша опомниться, как его подбородок перехватили сильные пальцы, приподнимая лицо. Мужчина держал в руке что-то мягкое и влажное и бережно прижал к его коже.

Ткань скользнула по уголку рта, стирая запёкшуюся кровь, а затем аккуратно смахнула остатки мерцающей синей пыли с бледной щеки.

Харе остолбенел.

«Что этот тип творит? Разве мы не должны драться?»

Сукуна тем временем сосредоточенно водил платком по его лицу.

«И чего он только наелся? Весь в крови вымазался, чистый беспризорник».

Ураумэ, который спрыгнул следом, полностью готовый к жестокой резне, при виде этой картины мгновенно застыл каменным изваянием.

Чего-о?!

Что это за жуткое проклятие такое, если сам великий господин Сукуна опустился до подобного непотребства?!

В кратере воцарилась противоестественная, звенящая тишина.

Когда грязь и кровь были стёрты, лицо Харе предстало перед Сукуной во всей красе. Сомнений не оставалось — точно такое же, как в нахлынувших видениях.

Вот только взгляд у него сейчас был пустой и отрешённый, словно мальчишке было плевать на весь мир и на самого себя в первую очередь. Эта безучастность уколола Сукуну, вызвав глухое раздражение.

Он грубовато сжал пальцами мягкую щёку Харе, отчего губы того смешно вытянулись трубочкой.

— Поговори со мной, — потребовал Сукуна, продолжая удерживать его за лицо.

Харе даже не попытался вырваться.

— О чём? — безучастно отозвался он.

— Кто я такой?

Харе недоумённо уставился на него. Вопрос показался верхом нелепости.

— Сукуна. Ты что, память потерял?

— Ха, отлично. Помнить помнишь, — Сукуна усмехнулся и поднялся во весь рост. Очевидно, услышав своё имя из уст мальчишки, он заметно повеселел. — Тогда собирайся. Ты идёшь со мной.

Харе не сдвинулся с места, упрямо усевшись прямо на сырую землю.

— Не хочу. Я устал и никуда не пойду.

В этом чужом времени у него не было ни близких, ни мест, куда хотелось бы вернуться. Он оставался на этой проклятой горе все эти дни вовсе не из-за барьера шаманов — ему просто было некуда идти.

Душа его онемела, потеряв интерес к жизни.

Харе опустил голову, и на его чистом лице промелькнула глубокая, искренняя тоска. Вдруг на его плечи опустилось что-то тяжёлое, пахнущее едва уловимым, тёплым ароматом.

Прикоснувшись к ткани, он понял, что это дорогое хаори.

В ту же секунду хозяин одежды наклонился. Сильные, мускулистые руки подхватили его под колени и спину, без малейших усилий оторвав от земли.

— Ладно-ладно, вечно ты капризничаешь, мелкий паршивец, — лениво усмехнулся Сукуна, прижимая его к себе. — На этот раз сделаю исключение. Но больше чтобы я такого унылого лица не видел.

Свободной рукой он снова бесцеремонно потрепал Харе за щёку, явно получая удовольствие от мягкости его кожи.

Оказавшись в воздухе и прижавшись к горячему телу Сукуны, Харе внезапно осознал, насколько сильно он замёрз. И лес вокруг казался ледяным склепом.

Ощущения возвращались медленно. Стиснув наброшенное хаори пальцами, мальчик не стал

сопротивляться. Вместо этого он перехватил руку Сукуны, которая всё ещё сжимала его щеку, запрокинул голову и со всей силы вонзил зубы в его запястье.

Для него, в его нынешнем состоянии, Король проклятий был...

Самым. Настоящим. Деликатесом!

<http://bllate.org/book/19043/2005247>